

Т И Ш И Н А — между — Н О Т А М И

А н а т о л и й Б е в з а

— Р О М А Н —

Анатолий Бевза

Тишина между нотами

«Автор»

2026

Бевза А.

Тишина между нотами / А. Бевза — «Автор», 2026

Иногда музыка говорит больше, чем слова. Лёва - юный скрипач, чья жизнь расписана по минутам: гаммы, школа, конкурсы. Мать требует побед, одноклассники травят, а единственный друг - скрипка. Но однажды инструмент ломается в драке. Трещина на деке становится трещиной во всём привычном мире. Лёва находит убежище у пожилой соседки. Она отдаёт ему свою старую скрипку, чей хриплый голос учит главному: музыка - это не идеальные ноты, а жизнь между ними. Та самая тишина, в которой рождается настоящий звук. «Музыка не обязана быть красивой. Она обязана быть живой», - говорит его учитель. И Лёва впервые играет не для оценки, а для себя. Это история о том, как перестать быть удобным и услышать себя. О родителях, которые любят слишком сильно. О праве на собственную мелодию, даже если она не вписывается в чужие ожидания. «Тишина между нотами» - пронзительный роман взросления. Для тех, кто боялся разочаровать других и забывал о себе. Прочитайте - и услышите свою тишину.

© Бевза А., 2026

© Автор, 2026

Анатолий Бевза

Тишина между нотами

Часть
I
. Гаммы

Глава 1

Будильник должен был прозвенеть в половине шестого, но Лёва открыл глаза за несколько секунд до звонка. Так случалось почти каждое утро. Организм давно выучил расписание лучше него самого.

Он лежал неподвижно и слушал квартиру.

За стеной молчала кухня. В трубах едва слышно шла вода. На стене напротив кровати темнел портрет Паганини в узкой раме. В раннем свете лицо скрипача казалось особенно суровым. Когда Лёва был младше, ему чудилось, что портрет следит за ним. Теперь он придумал для этого взгляда простое объяснение: «Можно лучше».

Будильник пискнул. Лёва выключил его сразу, чтобы звук не успел разбудить отца. Встал, заправил кровать - уголок к уголку, расправил складку на покрывале, потом ещё раз провёл ладонью по ткани. В ванной умылся холодной водой. От неё ломило скулы, зато сон исчезал мгновенно.

Форма лежала на стуле. Мать погладила её вечером и оставила сверху записку: «Не забудь про гаммы. Мама».

Лёва прочитал, хотя и так знал каждое слово. Сложил бумажку вчетверо и сунул в карман брюк. Выбросить было проще, но почему-то не выбросил.

Гаммы занимали тридцать минут. Мажор, минор, арпеджио. Вверх и вниз, будто по лестнице, у которой никогда не бывает последней ступеньки. Светлана Витальевна любила повторять, что техника - фундамент. Без неё талант ничего не стоит. Лёва не спорил. В доме вообще редко спорили: здесь существовали правильные вещи и неправильные, полезные и вредные, сделанные хорошо и сделанные недостаточно хорошо.

Он открыл футляр. Скрипка лежала на синем бархате. Потёртость возле подбородника, тонкая царапина на обечайке - Лёва знал каждую отметину. Инструмент подарили ему на десятый день рождения. Тогда он впервые положил подбородок на деку, неловко провёл смычком и услышал грубый, почти смешной звук. Но внутри что-то отозвалось так точно, что он даже испугался.

Не «нравится». Не «хочу научиться». Просто: вот.

Он настроил струны и начал с до мажора. Медленно. Потом быстрее. Сначала пальцы подчинялись голове, затем голова отступила. Комната перестала существовать. Исчезли кровать, шкаф, холодное окно, Паганини. Осталась вибрация под подушечками пальцев и тонкий упругий волос смычка, который будто вытягивал звук прямо из дерева. На последних нотах Лёва прикрыл глаза.

Звук угас. Несколько секунд после него были важнее самой гаммы. Воздух как будто ещё помнил ноту.

- Лёва, - позвала мать из кухни. Голос был ровный. - Завтрак через пять минут.

Он вздрогнул и опустил смычок.

- Иду.

Кухня была белой почти до стерильности: шкафы, стол, чашки, занавески. Светлана Витальевна стояла у плиты в бежевом свитере и серой юбке. Волосы собраны аккуратно, ни одной выбившейся пряди. На столе лежала овсянка. Без сахара, без масла.

- Садись.

Лёва сел.

Мать отпила чай и посмотрела на него поверх чашки.

- Вчерашнюю математику проверила. Всё правильно.

- Спасибо.

- Сегодня после школы сразу домой. В музыкальной школе в четыре - Виктор Андреевич. Потом дополнительное занятие в шесть. В восемь ужин, дальше уроки. В десять спать.

- Хорошо.

Она помолчала.

- Лёва, посмотри на меня.

Он поднял глаза.

- Ты понимаешь, зачем всё это?

Он знал ответ.

- Чтобы хорошо учиться. Чтобы хорошо играть.

- Не просто хорошо.

Она поставила чашку. На мгновение в её лице появилось что-то незнакомое - не строгость, а тревога, быстро прикрытая привычным выражением.

- Мир не будет тебя жалеть. Чем раньше ты это поймёшь, тем легче тебе будет. Если умеешь что-то - умеи лучше других. Тогда у тебя будет выбор.

Лёва кивнул.

Слова про выбор всегда звучали странно. Его собственный день был расписан с половины шестого до десяти вечера.

- Ешь, - сказала мать.

Он взял ложку.

Отец появился в половине седьмого. Серый костюм, синий галстук в мелкую точку, портфель. Борис Николаевич работал в банке и почти всегда выглядел так, будто уже одевается туда, даже когда ещё сидел дома. Светлана Витальевна поставила перед ним кофе. Он раскрыл газету.

- Доброе утро, - сказал он, не поднимая глаз.

- Доброе утро, папа.

Лёва ждал ещё чего-нибудь: вопроса про школу, про конкурс, про музыку. Отец перевернул страницу.

Шелест бумаги, тихий стук ложки о чашку.

- Я пошёл, - сказал Лёва.

- В половине четвёртого дома, - напомнила мать.

- Да.

Он надел пальто, взял рюкзак и футляр. За дверью квартиры начинался мир, где никто не требовал от него быть лучшим. Там его тоже не особенно ждали, но это было даже легче. Можно было хотя бы быть незаметным.

На лестничной площадке Валентина Петровна пыталась попасть ключом в замочную скважину. Руки у неё дрожали. Услышав шаги, она обернулась.

- Лёвушка, доброе утро.

- Доброе утро, Валентина Петровна.

- Опять ни свет ни заря?

- Гаммы.

Она улыбнулась.

- Я слышала.

Лёва сразу напрягся.

- Простите, если мешаю.

- Мешаешь? - Она даже возмутилась. - Я, между прочим, специально чай не включаю, пока ты играешь.

- Чай?

- Радио, - засмеялась она. - Старость. Слова путаются, а слух пока на месте.

Она наконец открыла дверь, но не вошла.

- Знаешь, что интересно? Ты утром гаммы играешь, а всё равно будто что-то рассказываешь. Даже в гамме.

Лёва не нашёл, что ответить.

Взрослые обычно говорили ему про чистоту интонации, темп, дисциплину, оценки. Никто не говорил, что он что-то рассказывает.

- Правда?

- А зачем мне врать?

Она полезла в карман халата и достала карамельку в смятой обёртке.

- Держи. В школу.

- Спасибо.

Конфета была тёплая от её ладони. Лёва сунул её в карман рядом с материнской запиской.

- Беги, - сказала Валентина Петровна. - А то твоя мама меня за опоздание тоже построит.

Лёва улыбнулся и пошёл вниз.

Глава 2

Школа встретила его влажным гулом. В раздевалке пахло мокрой шерстью, дешёвыми духами и батареями. По коридору носились младшие классы. Кто-то спорил у автомата с водой, кто-то списывал домашнее задание, кто-то уже успел поссориться.

Лёва прижал футляр ближе к боку и пошёл к лестнице.

- Эй, Паганини.

Он не обернулся.

- Скрипач, я с тобой разговариваю.

Костя стоял у окна вместе с Максом и Димой. Он был выше Лёвы почти на голову, спортивный, широкоплечий и всегда чуть улыбался так, будто заранее знал чужой неудачный ответ.

Лёва продолжил идти.

Костя шагнул вперёд и перегородил дорогу.

- Ты глухой?

- Что тебе надо?

- Ничего. Интересуюсь культурой.

Макс хмыкнул. Дима засмеялся чуть позже, будто сначала проверил, смешно ли остальным.

Костя кивнул на футляр.

- Ты с этой штукой даже в туалет ходишь?

Лёва промолчал.

- У тебя вообще друзья есть? Или только она?

- Отойди.

Костя перестал улыбаться. На секунду его лицо стало пустым и взрослым.

- Смотри, какой смелый.

Он наклонился ближе.

- Ты ведь думаешь, что лучше нас. Отличник. Музыкант. Мама тебя на конкурс водит. Всё у тебя правильное.

- Я так не думаю.

- Конечно.

Костя легко толкнул футляр пальцами. Лёва тут же перехватил ручку другой рукой. Костя заметил движение и усмехнулся.

- Вот. За деревяшку боишься больше, чем за себя.

Прозвенел звонок.

- Повезло, - сказал Костя и отступил.

Лёва пошёл дальше. Он чувствовал, как горят уши.

На уроках он сидел у окна на последней парте. Здесь было удобно: учителя видели его, когда нужно было отвечать, а одноклассники чаще забывали о нём.

Математика успокаивала. В задаче всегда можно было найти место, где ошибся. Возвращаешься на строку назад, проверяешь знак, переписываешь - и мир снова сходится. С людьми так не получалось.

На перемене рядом с партой остановилась Соня.

У неё были короткие тёмные волосы, веснушки и манера говорить так тихо, будто любое слово сначала нужно согласовать с окружающим воздухом.

- Привет.

- Привет.

- Костя опять?

Лёва посмотрел на неё.

- Ты видела?
- Все видели.
- Это оказалось хуже.
- Соня, кажется, поняла.
- Я не в том смысле. Просто... он идиот.
- Лёва пожал плечами.
- Ничего нового.
- Она села на край соседней парты.
- Конкурс скоро?
- Через месяц.
- Ты будешь играть?
- Если не передумают.
- Кто?
- Все.

Соня улыбнулась.

- Я приду.

- Зачем?

Она нахмурилась, будто вопрос был странным.

- Послушать.

Лёва неожиданно улыбнулся в ответ.

- Тогда приходи.

В столовой он обычно садился у стены. В этот день аппетита не было. Он ковырял вилкой запеканку и смотрел на футляр под лавкой.

Напротив появилась Соня с подносом.

- Здесь свободно?

- Да.

- Я вижу, что свободно. Я спрашиваю, можно ли сесть.

Лёва растерялся.

- Можно.

Она села и начала есть суп, не превращая поступок в событие. Именно поэтому он стал событием.

Через несколько минут мимо прошли Костя, Макс и Дима.

Костя остановился.

- Сонь, ты заблудилась?

Она не подняла глаз.

- Нет.

- Тогда чего здесь сидишь?

- Ем.

Макс фыркнул.

Костя посмотрел на Лёву, потом снова на Соню.

- Ну ладно. Нашли друг друга.

Он сказал ещё что-то вполголоса, уже отходя. Дима засмеялся.

Соня продолжала смотреть в тарелку. Рука с ложкой дрогнула.

- Извини, - сказал Лёва.

Она подняла глаза.

- За что?

- Из-за меня теперь и к тебе полезут.

- Они и без тебя умеют.

Она вытерла край ложки салфеткой и вдруг добавила:

- Если всё время уходить со стула, когда кому-то не нравится, что ты сидишь, однажды окажется, что тебе негде сидеть.

Лёва посмотрел на неё внимательнее.

- Это ты сама придумала?

- Нет. Наверное. Не знаю.

Он рассмеялся. Тихо, но впервые за день по-настоящему. Соня тоже улыбнулась.

За окном шёл мелкий дождь. На стекле капли собирались в дорожки и медленно сползали вниз.

Глава 3

Музыкальная школа занимала старый особняк с высокими потолками. Половицы скрипели, из классов одновременно доносились гаммы, этюды, обрывки пьес. Кто-то играл на фортепиано, кто-то на флейте, кто-то на виолончели. Лёва любил этот беспорядок звуков. Здесь никто не требовал тишины.

Виктор Андреевич ждал в седьмом классе. Седой, сухой, с длинными пальцами пианиста, хотя всю жизнь преподавал скрипку. Он умел быть строгим так, что после замечания хотелось играть лучше, а не исчезнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.